

ГЕГЕЛЬ

НАУКА
ЛОГИКИ

ВСЕ —
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ —
РАЗУМНО
ВСЕ РАЗУМНОЕ —
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

Великие идеи

Георг Гегель
Наука логики

«ЭКСМО»

1816

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

Гегель Г. В.

Наука логики / Г. В. Гегель — «Эксмо», 1816 — (Великие идеи)

ISBN 978-5-04-108679-4

«Наука логики» – одна из самых известных работ Гегеля. Он считал, что логика – это форма, которую принимает наука о мышлении в ее предельно общем выражении, в виде, необходимом для познания себя и мира в возможно более широком понимании. Согласитесь ли вы с идеями величайшего философа-идеалиста? Придете ли к выводу, что «каждому времени – своя философия», или решите, что философия всегда находится вне времени и вне географии? Не пугайтесь сложностей на пути изучения гегелевской системы – он сам однажды заявил: «Великий человек обрекает людей на то, чтобы они его объясняли». В системе любого крупного мыслителя всегда можно найти что-то для себя – даже при категорическом несогласии с ним. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 1(091)(430)

ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-04-108679-4

© Гегель Г. В., 1816

© Эксмо, 1816

Содержание

«Все действительное – разумно, все разумное – действительно»	8
«Логика есть наука о чистой идее...»	9
Наука логики	10
Предварительное понятие	10
§ 19	10
§ 20	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Гегель Георг

Наука логики

В оформлении обложки использованы элементы дизайна: bomg / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

В оформлении обложки использованы иллюстрации: HappyJack, ddok, Naci Yavuz / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© ИП Сирота Э. Л. Текст. 2019

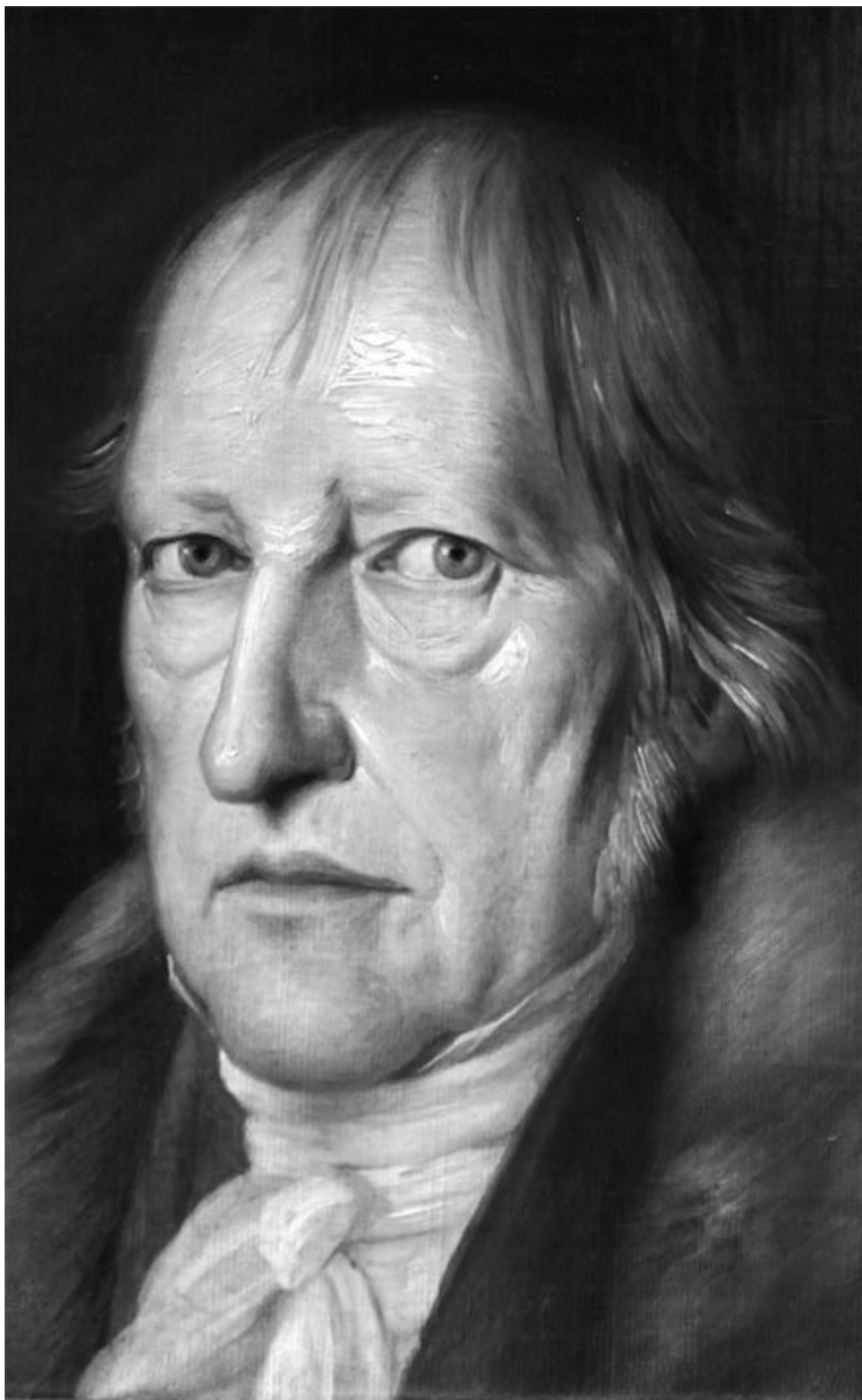
© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Почему, с точки зрения Гегеля, логика «есть самая трудная наука»?

1. Ее невозможно проверить математически
2. Она имеет дело с чистыми абстракциями
3. Она у каждого своя, индивидуальная _____

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

* * *

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831)

«Все действительное – разумно, все разумное – действительно»

Георг Гегель (1770–1831) многими воспринимается не просто как виднейший представитель немецкой классической философии, а как ее символ. К основным вопросам классического немецкого идеализма относят соотношение духовного и материального начал, возможности человеческого разума и границы познания, права личности. Гегель не ограничился этим. Его философская система построена на теории об «абсолютном духе». Основой бытия, по Гегелю, является абсолютный дух, или «мировая душа». Нет особой разницы между субъектом и объектом философии, между мышлением и бытием. И собственно философия для Гегеля – живой, изменяющийся, мыслящий организм, также подчиненный идее абсолютного духа, пронизывающего все сущее.

Георга Гегеля привлекали вопросы веры и религии, познания и эстетики, логики и права, искусства и естествознания... Вполне естественно для мыслителя XVIII – начала XIX века, эпохи промышленных революций, главенства науки и торжества человеческого разума. У кого-то его работы вызвали восторженное поклонение, а кто-то – как, например, его соотечественник Артур Шопенгауэр – считал их «шарлатанством». Но философию не зря именуют «наукой о вечных вопросах» – здесь очень сложно прийти к единому мнению. И вам предоставляется возможность составить свое собственное.

27 августа 1770 – Георг Гегель родился в Штутгарте.

1788–1793 – обучение в Тюбингенском теологическом институте.

1807 – опубликован труд Гегеля «Феноменология духа».

1812–1816 – выходят три части основополагающего труда Георга Гегеля «Наука логики».

1816 – Гегель занимает место профессора философии в Гейдельбергском университете.

1817 – издается работа Гегеля «Энциклопедия философских наук».

1818 – философ становится профессором Берлинского университета.

Ноябрь 1831 – Георг Гегель умирает (предположительно от холеры).

«Логика есть наука о чистой идее...»

Мы предлагаем вам ознакомиться с избранными, наиболее показательными главами одной из самых известных работ Гегеля – «Наука логики». Это произведение впервые было издано еще при жизни мыслителя. Ныне исследователи насчитывают три «авторских варианта» «Науки логики»: первый – краткий, изложенный в так называемой «Философской пропедевтике» и предназначенный для гимназий. Второй – или большая «Наука логики», изданная при жизни мыслителя в трех томах; в 1831 году он начал готовить его к переизданию и частично переработал первую часть, но завершить этот труд полностью ему помешала смерть. И, наконец, третий вариант – малая «Наука логики», составляющая первый том «Энциклопедии философских наук».

В определенном смысле «Наука логики», в которой Гегель рассматривает категории мышления, мысли, чистой «абсолютной идеи» (введенное философом определение: идея, выражающая полноту всего сущего), стала основанием всей его системы. Логика, по Гегелю, это та форма, которую принимает наука о мышлении в ее предельно общем выражении, в виде, необходимом для познания себя и мира в возможно более широком понимании.

Именно с девятнадцатого параграфа начинается собственно текст гегелевской «Науки логики» (первые восемнадцать представляли собой введение к «Энциклопедии философских наук»). Согласитесь ли вы с идеями величайшего философа-идеалиста? Придете ли к выводу, что «каждому времени – своя философия», или решите, что философия всегда находится вне времени и вне географии? Не пугайтесь сложностей на пути изучения гегелевской системы – он сам однажды заявил: «Великий человек обрекает людей на то, чтобы они его объясняли». В системе любого крупного мыслителя всегда можно найти что-то для себя – даже при категорическом несогласии с ним.

Наука логики

Предварительное понятие

§ 19

Логика есть наука о *чистой идее*, т. е. об идее в абстрактной стихии *мышления*.

Примечание. Это определение, как и другие определения, содержащиеся в предварительных замечаниях, суть определения, почерпнутые из обозрения целого, *после* этого обозрения. Иначе говоря, относительно них верно то же самое, что и вообще относительно предварительных понятий о философии.

Можно сказать, что логика есть наука о *мышлении, его определениях и законах*, но мышление, как таковое, составляет лишь *всеобщую определенность*, или *стихию*, в которой идея проявляется как логическая идея. Идея есть мышление – не как формальное мышление, а как развивающаяся целостность своих собственных определений и законов, которые она сама себе дает, а не *имеет* или находит в себе заранее.

Логика есть самая трудная наука, поскольку она имеет дело не с созерцаниями и даже не с абстрактными чувственными представлениями, как геометрия, а с чистыми абстракциями, и требует от занимающегося ею способности и привычки уходить в чистую мысль, фиксировать ее и свободно двигаться в ней. С другой же стороны, ее можно рассматривать как самую *легкую* науку, потому что ее содержание есть не что иное, как собственное мышление занимающегося ею и привычные определения этого мышления, а последние суть вместе с тем *самые простые и элементарные*. Они также и *наиболее знакомые* определения: бытие, небытие и т. д.; определенность, величина и т. д.; в-себе-бытие, для-себя-бытие, одно, многое и т. д. Это знакомство, однако, скорее делает более трудным изучение логики, ибо отчасти легко вызывает представление, что не стоит труда еще раз заниматься такими известными вещами; отчасти же здесь важно познакомиться с этими определениями совершенно иным и даже противоположным образом, чем мы с ними были знакомы раньше.

Логика приносит *пользу* занимающимся ею, поскольку она в известной степени развивает ум, помогает ему, таким образом, достигнуть других целей. Развитие ума посредством изучения логики заключается в том, что он приобретает привычку к мышлению, так как эта наука есть мышление мышления, а также и в том, что голова, занимающаяся логикой, наполняется мыслями, и именно мыслями как мыслями. Но поскольку логическое есть абсолютная форма истины, поскольку оно, больше того, представляет собою самую чистую истину, оно представляет собою нечто совершенно иное, чем нечто только *полезное*. Но так как самое лучшее, наиболее свободное и самостоятельное есть также наиболее полезное, то можно рассматривать логику также и с этой стороны. Но ее польза имеет в таком случае куда высшую ценность, чем только ценность формального упражнения мышления.

Прибавление 1-е. Раньше всего нужно поставить вопрос, что является предметом нашей науки? Самым простым и понятным ответом на этот вопрос служит следующий: этим предметом является *истина*. Истина есть великое слово и еще более великий предмет. Если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь. Однако здесь тотчас же выступает но: но доступно ли нам познание истины? Кажется, как будто, что есть какое-то несоответствие между ограниченным человеком и сущей в самой себе истиной. Возникает вопрос, где мост между конечным и бесконечным? Бог есть истина; как нам познать его? Добродетель смирения и скромности как будто находится в противоре-

чии с таким предприятием. Но часто задают также вопрос: может ли быть познана истина? – лишь для того, чтобы найти оправдание дальнейшей жизни в пошлости своих конечных целей. Такому смирению грош цена. Впрочем, вопрос, как могу я, жалкий земной червь, познать истину, отошел в прошлое; его место заняли гордыня и самомнение, и теперь люди воображают, что они непосредственно находятся в истинном.

Юношество старается убедить в том, что оно обладает истиной (в области религии и нравственности) уже как бы от природы. В особенности его убеждают в том, что все старшее поколение погрязло и закоснело во лжи. Для юношества взошла будто бы утренняя заря, а старшее поколение прозябает в болоте обыденщины. Относительно частных наук юношеству говорят, что их, разумеется, надо изучать, но лишь в качестве средств для внешних, практических целей. Здесь, таким образом, удерживает от изучения и познания истины не скромность, а уверенность в безусловном обладании ею. Старшее поколение, правда, возлагает свою надежду на юношество, ибо оно должно продолжать строить мир и двигать науку. Но эта надежда возлагается на юношество постольку, поскольку оно не останется таковым, каково оно есть, а поскольку оно возьмет на себя тяжелый труд духа.

Существует еще другая форма скромности по отношению к истине. Эта скромность есть важничанье по отношению к истине, подобное тому, какое мы видим у Пилата в его вопросе, обращенном к Христу. Пилат, как человек, который все решил, который потерял ко всему интерес, спросил: что есть истина? Этот вопрос имеет тот же смысл, что и слова царя Соломона: все суета. В нем ничего не осталось, кроме субъективной суетности.

Познанию истины противится также робость. Ленивому уму легко приходит в голову мысль: не надо очень уж серьезно относиться к философствованию. Можно слушать также и лекции по логике, но они должны нас оставить такими, какими мы были раньше. Эти люди думают, что если мышление выйдет за пределы обычного круга представлений, то это не приведет к добру; волны мысли будут тебя бросать в разные стороны и в конце концов все же выбросят на мель преходящих интересов, от которых напрасно оторвался. Каков результат таких взглядов, это мы видим в жизни. Можно, разумеется, приобрести разного рода умения и сведения, сделаться рутинным чиновником и вообще приобрести должную подготовку для достижения своих частных целей. Но совсем не то – развить свой дух для более возвышенной цели и стремиться к ее достижению. Можно надеяться, что в наше время в умах молодого поколения зародилось стремление к чему-то лучшему и оно уже не будет удовлетворяться мякиной внешнего познания.

Прибавление 2-е. Что предмет логики есть *мышление*, – с этим все согласны. Но о мышлении можно иметь и очень высокое и очень низкое мнение. Так, например, с одной стороны, говорят: это – *только* мысль, разумея под этим, что мысль субъективна, произвольна и случайна, а не есть сам предмет, не есть само истинное и действительное. Но, с другой стороны, можно также иметь и высокое мнение о мысли и понимать так, что одна лишь она постигает высочайшее, постигает природу бога и что посредством внешних чувств ничего о боге узнать нельзя. Говорят: бог есть дух и хочет, чтобы ему поклонялись в духе и истине. А ощущаемое и чувственное, – с этим мы согласны, – не есть духовное, и глубочайшую сущность последнего представляет собою мысль; лишь дух может познавать дух. Дух может, правда (как, например, в религии), выступать также как чувствующий, но одно дело – чувство как таковое, форма чувства, и другое – его *содержание*. Чувство как таковое есть вообще форма чувственного, которое обще нам с животными. Эта форма может завладеть конкретным содержанием, но подобное содержание не удовлетворяется этой формой; форма чувства есть наиболее низкая форма для духовного содержания. Это содержание – сам бог – существует в своей истинности лишь в мышлении и как мышление. В этом смысле мысль, таким образом, есть не только *лишь* мысль, а представляет собою самый возвышенный и, точнее говоря, единственный способ, которым может быть постигнуто вечное и в себе и для себя сущее.

Как о мыслях, так и о науке о мысли можно быть и высокого, и низкого мнения. Мыслить, так полагают, может всякий и без помощи логики, подобно тому, как мы можем переваривать пищу, не изучая физиологии. Если мы даже и изучаем логику, то мы все же мыслим, как и до того, может быть методичнее, но без особых перемен. Если бы логика не имела другой задачи, кроме ознакомления с деятельностью чисто формального мышления, то она, разумеется, не дала бы ничего такого, что не могло бы быть сделано так же хорошо и без нее. Превенная логика в самом деле ставила себе эту задачу. Нужно, впрочем, сказать, что и **познание мышления как чисто субъективной деятельности уже делает честь человеку и представляет для него интерес; человек отличается от животного именно тем, что он знает, что он такое и что он делает.** Но, с другой стороны, можно также ставить высоко логику, как науку о мышлении, поскольку единственно лишь мысль может узнать высочайшее, истину. Если, следовательно, логика рассматривает мышление в его деятельности и в его продуктах (а мышление не есть бессодержательная деятельность, ибо оно производит мысли и мысль, как таковую), то ее содержанием вообще является сверхчувственный мир, и, занимаясь ею, мы пребываем в этом мире. Математика имеет дело с абстракциями числа и пространства, но последние все еще представляют собой нечто чувственное, хотя это чувственное абстрактно и не имеет наличного бытия. Мысль прощается также и с этим последним остатком чувственного и свободно пребывает у самой себя, она отрекается от внешней и внутренней чувственности, устраняет все особенные интересы и склонности. Поскольку логика стоит на этой почве, мы должны ценить ее выше, чем это обыкновенно делают.

Прибавление 3-е. Потребность понимать логику в более глубоком смысле, чем в смысле науки о чисто формальном мышлении, вызвана интересами религии, государства, права и нравственности. Раньше мыслили свободно и непринужденно, не подозревая при этом ничего дурного. Мыслили о боге, природе и государстве и были убеждены, что лишь посредством мыслей можно достигнуть познания истины, а не посредством чувств или случайных представлений и мнений. Так продолжали мыслить, но оказалось, что такое мышление расшатало высшие устои жизни, подорвало значение всего положительно существующего. **Государственные устройства падали жертвою мысли, религия подвергалась нападкам мысли, были подорваны незыблемые религиозные представления, раньше считавшиеся безусловными откровениями, и старая вера была уничтожена во многих душах.** Так, например, греческие философы враждовали с древней религией и уничтожали ее представления. За это ниспровержение религии и государства, существенно связанных друг с другом, философы подвергались изгнанию и умерщвлению. Так мышление сказывалось в действительности и оказывало огромное влияние. Это заставило обратить внимание на власть мышления; началось более тщательное рассмотрение его притязаний и, по мнению производивших это исследование, оказалось, что оно берет на себя непосильную задачу и не может выполнить предпринятого им дела. Вместо того чтобы познать сущность бога, природы и духа, вместо того чтобы вообще познать истину, оно опрокинуло государство и религию. Стали поэтому требовать от мышления, чтобы оно дало оправдание результатов, к которым оно пришло, и исследование природы мышления и его правомерности привлекает в новейшее время значительную часть философского интереса.

§ 20

Мышление, взятое так, как оно представляется на первый взгляд, есть, во-первых, α) в своем обычном субъективном значении одна из духовных деятельностей или способностей, стоящая *наряду* с другими, с чувственным восприятием, с созерцанием, фантазией и т. д., с желанием, хотением и т. д. *Продукт* мышления, определенность или форма мысли, есть вообще *всеобщее*, абстрактное. *Мышление* как *деятельность* есть, следовательно, *деятельное*

всеобщее – именно деятельность, производящая себя, так как деяние, то, что произведено, именно и есть всеобщее. Мышление, представляемое как *субъект*, есть *мыслящее существо*; простым выражением для обозначения существующего субъекта как мыслящего служит «я».

Примечание. Определения, указанные здесь и в ближайших параграфах, не следует понимать как утверждения и мои *мнения* о мышлении. Так как, однако, в этом предваряющем способе изложения не может найти себе места выведение или доказательство даваемых нами определений, то их можно считать *фактами*, так что каждый, если он имеет мысли и рассматривает их, найдет эмпирически в своем сознании, что эти мысли имеют характер всеобщности, и точно так же найдет указываемые далее определения. Для наблюдения фактов своего сознания и своих представлений требуется, во всяком случае, наличность развитого внимания и способности к абстракции.

Уже в этом предварительном изложении нам приходится говорить о различии между чувственным представлением и мыслью; это различие имеет решающее значение для понимания природы и видов познания, и несколько замечаний об этом различии, сделанных уже здесь, послужат пояснению предмета. Что касается *чувственного*, то для его объяснения указывают раньше всего на его внешнее происхождение, на чувства или органы чувств. Но указание на орудие нимало не определяет того, что получается посредством него. Различие между *чувственным* и мыслью мы должны видеть в том, что характерной особенностью первого служит *единичность*, и так как единичное (взятое совершенно абстрактно, это единичное есть атом) находится также в связи с другими единичными, то чувственное есть *внеположность* их друг другу, ближайшими абстрактными формами которой являются: *совместность* и *последовательность*.

Представление имеет своим содержанием такой же чувственный материал, но этот материал в представлении характеризуется как *мой*, как находящийся *во мне*, и как *всеобщность*, как соотношение с собой, как *простота*. Однако, кроме чувственного, представление имеет своим содержанием также и такой материал, который возник из самостоятельного мышления, как, например, правовые, нравственные и религиозные представления, а также представления о мышлении, и нелегко указать, в чем состоит различие таких *представлений от мыслей* такого же содержания. Здесь содержанием служит мысль, и также имеется налицо форма всеобщности, которая требуется уже для того, чтобы некое содержание было *во мне*, чтобы оно вообще было представлением. Но отличительную особенность представления следует вообще и здесь видеть в том, что в нем подобное содержание стоит как бы изолированно. Правовые и тому подобные определения не находятся, правда, в чувственно-пространственной внеположности. По отношению же ко времени, они, пожалуй, представляются следующими друг за другом; их содержание, однако, мы не представляем себе связанным со временем, не представляем себе протекающим и изменяющимся во времени. Но такие сами по себе духовные определения стоят как бы *изолированно* на обширной почве внутренней абстрактной всеобщности представления вообще. В этой изолированности они *просты*: право, долг, бог. Представление либо останавливается на том, что право есть право, бог есть бог, либо, если оно является более развитым представлением, оно указывает определения, например, что бог есть творец мира, что он всеведущ, всемогущ и т. д.; здесь также нанизываются друг на друга несколько изолированных простых определений, которые остаются внеположными друг другу, несмотря на ту связь, которая им дается в их субъекте. Представление совпадает здесь с *рассудком*, отличающимся от представления лишь тем, что он устанавливает отношения между всеобщим и особенным или между причиной и действием и пр., и тем самым устанавливает отношения необходимости между изолированными определениями представлений, между тем как представление оставляет их в своем неопределенном пространстве *рядом друг с другом*, связанными одним лишь «и». Различие между представлением и мыслью очень важно, потому что **можно вообще сказать, что философия делает единственно только то, что превращает представле-**

ния в мысли, но, разумеется, следует к этому прибавить, что она затем превращает голую мысль в понятие.

Впрочем, если мы указали, как на характерные черты чувственного, на определения *единичности* и *внеположности*, то можно также прибавить, что самые эти определения суть, в свою очередь, мысли и всеобщие определения; в логике обнаружится, что мысль, всеобщее состоит именно в том, что она есть она же сама и ее иное, что она выходит затем за пределы последнего и ничто не остается вне ее. Так как язык есть произведение мысли, то нельзя посредством него выразить ничего такого, что не есть всеобщее. То, что я только хочу сказать, то, что *мнится* мне, есть *мое*, принадлежит мне, как этому особому индивидууму; но если язык выражает только всеобщее, то я не могу сказать того, что *только мне мнится*. И *невъязычивое*, чувство, ощущение представляет собою не самое лучшее, не самое истинное, а самое незначительное, наиболее неистинное; если я говорю: *единичное*, это единичное здесь, теперь, то это все – всеобщие выражения; *все* и *всяческое* есть единичное, есть «это», хотя бы оно и было чувственно; *все* и *каждое* есть «здесь», «теперь». Точно так же, когда я говорю «я», я *разумею* себя как *это*, данное «я», исключаящее все другие «я», но то, что я говорю, изреченное «я», есть именно всякое «я», исключаящее из себя все другие «я». Кант выражался неправильно, говоря, что «я» *сопровождает* все мои представления и также все мои ощущения, желания, действия и т. д. «Я» есть само по себе всеобщее, и общность есть также одна из форм всеобщности, но она – лишь внешняя форма. Все другие люди имеют общее со мною то, что они суть «я», точно так же, как все *мои* ощущения, представления и т. д. имеют между собою общее то, что они суть *мои*. Но «я», взятое абстрактно, как таковое, есть чистое соотношение с самим собою, в котором отвлекаются от представления, ощущения, от всякого состояния, равно как и от всякой природной особенности, таланта, опыта и т. д. «Я» есть постольку существование совершенно *абстрактной* всеобщности, есть абстрактно *свободное*. Поэтому «я» есть *мышление* как *субъект*, и так как я нахожусь вместе с тем во всех моих ощущениях, то мысль повсюду присутствует и проходит, как категория, через все эти определения.

Прибавление. Когда мы говорим о мышлении, оно нам сначала представляется субъективной деятельностью, одной из тех способностей, каких мы имеем много, как, например, память, представление, воля и т. д. Если бы мышление было только некоей субъективной деятельностью и, как таковое, было бы предметом логики, то последняя, подобно другим наукам, имела бы свой определенный предмет. Тогда могло бы казаться чем-то произвольным то, что мышление делают предметом особой науки, а воля, фантазия и т. д. не делаются предметом особой науки. **Честь, оказываемая мышлению, могла бы, пожалуй, иметь своим основанием то, что за мышлением признается некоторый авторитет и оно рассматривается как наиболее истинное в человеке**, как то, чем он отличается от животного. Изучать мышление даже просто, как субъективную деятельность, тоже не лишено интереса. Его характерными чертами были бы тогда правила и законы, познание которых приобретает посредством опыта. Мышление, рассматриваемое с этой стороны в его законах, есть то, что обычно составляет содержание логики. Аристотель является основателем этой науки. Он обладал такой силой ума, которая сделала его способным дать в удел мышлению то, что ему принадлежит как таковому. Наше мышление очень конкретно, но в его многообразном содержании мы должны выделить то, что принадлежит мышлению, или абстрактной форме деятельности. Незаметная духовная связь, деятельность мышления, объединяет все это содержание, и эту связь, эту форму как таковую выдвинул и определил Аристотель. Логика Аристотеля остается до нашего времени основой логики и после него она получила лишь дальнейшую разработку, преимущественно у средневековых схоластиков; последние ничего не прибавили к ее содержанию, а лишь развили ее в частности. Главный вклад нового времени в логику ограничивается преимущественно, с одной стороны, опусканием многих, созданных Аристотелем и схоластиками, логических определений и прибавлением значительного количества постороннего

психологического материала, – с другой. Интересна эта наука тем, что в ней мы знакомимся с приемами конечного мышления, и эта наука правильна, если она соответствует своему предполагаемому предмету. Изучение этой формальной логики, без сомнения, приносит известную пользу; это изучение, как принято говорить, изошряет ум. Мы научаемся концентрировать мысль, приучаемся абстрагировать, между тем как в обычном сознании мы имеем дело с чувственными представлениями, перекрещивающимися и перепутывающимися друг с другом. Но при абстрагировании имеет место концентрация духа на *одном* пункте, и мы приобретаем благодаря этому привычку заниматься нашей внутренней жизнью. Знакомство с формами конечного мышления может служить средством для подготовки к эмпирическим наукам, которые руководствуются этими формами, и в этом смысле логику называли инструментальной.

Можно, правда, блеснуть широтой воззрений и сказать: логику следует изучать не ради пользы, а ради ее самой, ибо превосходного следует искать не только ради пользы. Это, с одной стороны, совершенно правильно, но, с другой стороны, превосходное есть также и наиболее полезное, ибо оно есть существенное, в самом себе устойчивое и является поэтому носителем частных целей, которым оно споспешествует и которые оно доводит до осуществления. Не нужно рассматривать частные цели как самое важное, но то, что превосходно, все же помогает и их осуществлению. Так, например, религия имеет свою абсолютную ценность в себе самой, но вместе с тем она является опорой также и других целей. Христос говорит: ищите прежде царства божия, и все остальное приложится вам. Частные цели могут быть достигнуты лишь в том случае, если достигается в-себе и для-себя-сущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.